

О ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ПЛАНИРОВАНИЯ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

С.Я. ЛАВРЕНОВ, проф. каф. истории и культурологии МГУЛ, д-р полит. наук

lavrs2009@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Рассматриваются особенности политических и идеологических установок руководства нацистской Германии в отношении Советского Союза. Вопреки расхожему в современной западной историографии мнению о том, что принятие стратегических решений (в том числе относительно подготовки нападения на СССР), носило во многом импровизационный характер, доказано, что план нападения на Советский Союз изначально не подвергался сомнению. Вся предшествующая агрессии политика нацистской Германии была направлена не только на формирование доминирующих позиций на европейском континенте, но и на создание наиболее благоприятных условий для вторжения в советскую страну. Война на Востоке, в отличие от других военных кампаний Гитлера, изначально носила бескомпромиссный расово-идеологический характер, ее конечной целью являлась «германизация» и колонизация значительной части территории Советского Союза. Предпосылкой этого являлось уничтожение советской государственности без каких-либо шансов ее, пусть в усеченной форме, возрождения.

Ключевые слова: германский фашизм, немецкая геополитика, борьба за «жизненное пространство», завоевательные планы, генеральный план «Ост».

Концептуальные основы внешней политики Германии, в случае прихода к власти нацистов, были определены Гитлером еще в 1924–1925 гг. В целом они представляли конгломерат гипертрофированной «национальной» идеи, стремления к реваншу за поражение в Первой мировой войне, расовой нетерпимости и антисемитизма, помноженных на постулат о необходимости возобновления энергичной борьбы за расширение «жизненного пространства». Гитлер исходил из императива о том, что отношения между народами изначально носят характер биологической борьбы за выживание [1].

Авторы многотомного фундаментального немецкого издания «Третий рейх и Вторая мировая война» констатировали, что в программных установках Гитлера завоевание жизненного пространства на Востоке и уничтожение «еврейского большевизма» были настолько взаимосвязаны, что речь шла о расово-биологических основах политики Гитлера по завоеванию жизненного пространства Советского Союза [2].

Завоевательные планы германского фашизма по содержанию являлись во многом продолжением прежних экспансионистских замыслов кайзеровской Германии времен Первой мировой войны. К ним, прежде всего, относится замысел о создании под патронажем Германии так называемой

«Срединной Европы», планы завоевания новых территорий, выдвинутые, в частности, в «Меморандуме германских профессоров» (8 июля 1915 г.), в котором обосновывалась необходимость подчинения Германии ряда европейских стран, а также территорий, входивших в состав Российской империи (Украины, Прибалтики и др.). В частности, генерал Ганс фон Сект, активный участник Первой мировой войны, а затем командующий рейхсвером был сторонником того, чтобы сосредоточить основные усилия Германии, прежде всего, в Европе [3].

Однако при нацистах подобные планы обрели не только заверченный, но и значительно более масштабный характер. «Чем для Англии была Индия, – заявил Гитлер в своей ставке в сентябре 1941 г., – тем для нас станет восточное пространство... Колонии – владения сомнительного достоинства. А эта земля всегда будет нашей» [4]. Это заявление не означало отказа от планов завоевания других европейских стран с последующим переходом к борьбе за мировое господство. Геббельс в дневнике отмечал: «Фюрер выражает непоколебимую уверенность, что империя завладеет вскоре всей Европой... Тогда практически откроется дорога к мировому господству. Кто владеет Европой, тот тем самым захватит в свои руки руководство миром» [5, 6].

Значительный вклад в обоснование основ политико-стратегического планирования Германии в этот период внесла немецкая школа геополитики, представленная, прежде всего, К. Хаусхофером, юристом и политологом К. Шмиттом, а также их сторонниками и последователями. Отстранившись от обоснования расово-идеологического характера предстоящей войны, немецкие геополитики сосредоточились на обосновании необходимости и «правомерности» целеустремленной борьбы Германии за расширение «жизненного пространства». К. Хаусхофер при этом не ограничился реанимированием концепции «Срединной Европы», значительно расширив зону территориальных притязаний Германии. В основу его концепции легла идея так называемых «пан-регионов» – больших, континентального масштаба пространств, представляющих собой в экономическом отношении самодостаточное и при этом защищенное военной силой пространство. Германии предстояло стать центром одного из пан-регионов, объединяющего Европу, Ближний Восток и Африку.

В последующем Хаусхофер, убежденный в неизбежности глобального противостояния крупнейших морских держав (прежде всего, США и Великобритании) и континентальных (Германии и СССР), пришел к выводу, неприемлемому для нацистского руководства. Речь шла о целесообразности, с его точки зрения, создания союзнического блока между Германией, СССР и Японией. Хаусхофер не испытывал каких-либо симпатий к Советскому Союзу, но учитывал важность его стратегического положения как связующего трансконтинентального звена между Европой и Тихоокеанским побережьем.

Тезис о неизбежности столкновения морских и континентальных держав разделял также К. Шмитт. Свое видение мировой ситуации он изложил в концепции «большого пространства» (Grossraum) [7]. В европейском «большом пространстве» (как и в хаусхоферском «пан-регионе») ведущая роль должна была принадлежать Германии. Однако К. Шмитт прохладно относился к идее насильственного пути формирования

европейского «большого пространства», предпочитая политико-экономический путь его конструирования. В условиях нацистской Германии доктрина Шмитта, тем не менее, стала дополнительным аргументом в пользу инициирования активной борьбы за «жизненное пространство».

Эти два подхода – радикальный и умеренный – к содержанию внешней и военной политики Германии, единые по сути, но различающиеся по способам достижения цели, заняли доминирующее место среди нацистской правящей элиты (за исключением возможного блока с СССР, сама идея о котором изначально отвергалась Гитлером). В остальном подвергшиеся нацификации германские политические, военные и экономические элиты, оказавшиеся под впечатлением первых политико-дипломатических и военных успехов Гитлера, поддерживали его план экспансии. Широкий консенсус существовал, как минимум, по следующим принципиальным вопросам: безусловное возвращение того, что было утрачено Германией в результате Первой мировой войны; достижение военных целей, которые Германия ставила перед собой в Первой мировой войне (в том числе завоевание территорий в Восточной Европе); дальнейшее расширение «жизненного пространства» на Восток за счет ликвидации СССР. Однако в отношении того, как должны решаться эти задачи, по-прежнему существовали определенные разногласия.

Часть элиты относилась с опасением к возможной конфронтации с западными державами, полагая, что рано или поздно это неизбежно приведет к войне на два фронта, в которой Германия, несмотря на любые титанические усилия с ее стороны, будет обречена на поражение. Этот сегмент политико-экономической элиты исходил из целесообразности политико-дипломатического пути решения поставленных задач, попыток «принудить» западные державы к территориальным и экономическим уступкам Германии на основе объединения усилий в борьбе против «большевизма». Характерным представителем данного направления являлся

Я. Шахт, занимавший до 1938 г. пост имперского министра экономики, президента Рейхсбанка (до 1939 г.) и пользовавшийся большим влиянием среди военных и промышленников Германии, а также в правительственных кругах стран Запада. Разделяли эти взгляды и часть высшего генералитета (Бломберг, Фрич и др.), оказавшаяся, впрочем, не у дел после того, как осмелилась высказать свои сомнения относительно реалистичности завоевательной программы Гитлера. Подавляющая часть германской элиты с пониманием относилась к взглядам Гитлера о неотвратимости «большой» войны и необходимости ускоренной подготовки к ней.

Впервые в концептуальном изложении цели германской экспансии были оглашены Гитлером на совещании в имперской канцелярии, состоявшемся 5 ноября 1937 г., на котором присутствовало высшее военное руководство страны. Формальным поводом для созыва совещания стали претензии адмирала Э. Редера относительно недополучения стали и иного сырья, что ставило программу строительства германского военно-морского флота под угрозу срыва.

Необходимость перехода к политике завоеваний, заявил Гитлер на совещании, обусловлена тем, что режим экономической автаркии невозможен для Германии, поскольку не позволяет обеспечить ее достаточным количеством сырья и продовольствия. В «эпоху хозяйственных империй», – утверждал Гитлер, – «захват большого жизненного пространства» является единственным спасением. Поэтому «добиться решения германского вопроса можно только путем насилия...». На совещании прозвучала однозначная установка Гитлера на подготовку Германии к войне [4]. Для расширения экономического потенциала Германии Гитлер планировал провести в Европе ряд «малых» войн. В качестве первых объектов экспансии были названы Австрия и Чехословакия.

Сроки полномасштабной войны с Англией и Францией отодвигались к периоду не позже 1941–1944/45 годов, поскольку, по мнению Гитлера, осталось всего лишь пять или шесть лет до того, как «два антагонис-

та, вдохновленных ненавистью» (Англия и Франция) сократят разрыв с Германией в уровне вооружений [8].

Ставка в реализации выдвинутой политической программы делалась на «молниеносную войну». Это было обусловлено тем, что проблемы, с которыми столкнулась нацистская Германия, оказались во многом схожими с теми, что стояли перед кайзеровской Германией перед началом Первой мировой войны. Главные из них – угроза ведения войны на два фронта, неготовность страны из-за ресурсного дефицита к длительной войне и связанная с этим необходимость быстрого овладения ресурсным потенциалом побежденных стран. Последнее требование было сформулировано еще известным немецким военным теоретиком К. Клаузевицем, исходившим из того, что контрибуция с побежденной стороны должна предоставить возможность вести войну за счет противника, а не за свой собственный. Шлиффен, планируя вторжение в нейтральную Бельгию, руководствовался, в частности, намерением получить солидную военную компенсацию от Бельгии после того, как будет захвачен Брюссель [9]. Нацистским режимом этому аспекту планируемой войны придавалось особое значение.

Гитлер рассчитывал достичь поставленных целей, используя не только военный, но и весь арсенал политико-дипломатических и дезинформационных средств. Играя на противоречиях между ведущими европейскими державами, манипулируя их стремлением канализировать германскую агрессию на восток, он рассчитывал не допустить образования антигерманской коалиции, то есть любыми средствами избежать той критической ситуации, в которой оказалась Германия в период Первой мировой войны. Его рискованная политика на первых порах приносила впечатляющие плоды, укрепив миф о непогрешимости фюрера и обеспечив ему тем самым широкую социальную поддержку.

После аншлюса Австрии (1938 г.) и захвата Чехословакии (1939 г.) главным в повестке дня Гитлера стал вопрос о том, в каком направлении следует наносить пер-

вый удар в надвигающейся «большой» войне – на Западе или на Востоке. Этот вопрос гитлеровскому руководству приходилось решать в рамках той стратегической схемы, которой придерживался кайзеровский генеральный штаб, исходя из сложившихся международно-политических реалий, выбирая в качестве объекта первого удара наиболее слабого на тот момент, по его мнению, оппонента. Гитлеровские генштабисты пришли к выводу, что наиболее целесообразным решением является первоначальный разгром Франции, а затем Советского Союза. Это решение было принято несмотря на то, что в долгосрочной программе завоевательной стратегии Германии главным объектом экспансионистских устремлений изначально являлся СССР [4]. Для установления господства Германии в Европе, а также создания необходимого плацдарма для развертывания в последующем борьбы за мировое господство Германия нуждалась в огромном ресурсном потенциале Советского Союза.

Во «Второй книге» (написанной в 1928 г.) Гитлер посвятил отдельную главу «восточной политике», которая была отнесена к важнейшим внешнеполитическим вопросам национал-социалистического движения в Германии [10]. В концентрированном виде идеи, изложенные в ней, были высказаны Гитлером в разговоре со своими сподвижниками, незадолго до прихода последнего к власти: «Не только русские пограничные территории, но вся Россия должна быть расчленена на составные части, – заявил он. – Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии» [11].

Тем не менее завоевание Советского Союза было отнесено нацистским руководством на отдаленную перспективу, чему были веские причины. Во-первых, проблема нападения на Советский Союз была взаимосвязана с позицией, которую могли занять Франция и Англия в отношении «восточной политики» Германии. Несмотря на то, что Париж и Лондон были заинтересованы в подобном векторе германской агрессии,

трудно было ожидать, что эта поддержка будет длиться бесконечно. Гитлер небезосновательно исходил из того, что эти ведущие западные державы вынашивают замыслы обескровить в ожесточенном противостоянии как Советский Союз, так и Германию. Соответственно, стоило вермахту втянуться в затяжные бои на территории Советского Союза, как, рано или поздно, следовало ожидать удара с тыла. Особое опасение у Гитлера вызывала безопасность Рурской области, главной промышленной базы Германии [12].

Планам поочередного разгрома сначала Франции, а затем Советского Союза могла помешать возможность формирования антигерманской коалиции между Москвой, с одной стороны, и Лондоном и Парижем, с другой, если бы у последних возобладал прагматичный подход в оценке сложившейся военно-стратегической обстановки, отодвинув укоренившийся антисоветизм на задний план. Берлин был готов на все, чтобы не допустить даже признака подобного союза. Его намерению способствовали устойчивые заблуждения Лондона и Парижа относительно истинных намерений Берлина в той сложной политико-дипломатической игре, которую вел Гитлер. Последний отнюдь не собирался возглавлять «крестовый поход» против СССР от лица всего Запада, таская «каштаны из огня» для других. Помимо агрессивных замыслов в отношении СССР, руководство Третьего рейха не оставляло мысли о реванше, сведении счетов с западными демократиями, навязавшими Германии в 1919 г. жесткие условия Версальского мирного договора и вдобавок лишившие страну значительной части ее заморских территорий. В этой связи уничтожение «вечного» противника Франции рассматривалось в Берлине в качестве безальтернативной задачи. Разгром Франции, как представлялось в Берлине, означал также изоляцию Англии, что позволяло склонить ее если не к союзническим отношениям, то к устойчивому нейтралитету, заставить признать притязания Берлина на доминирующую роль в континентальной Европе.

Чтобы не допустить формирования союза между западными державами и Советским Союзом, Гитлер был готов, вопреки своим принципиальным политико-стратегическим установкам, пойти на временное сближение с Советским Союзом, что совершенно не означало его отказа от принципиального решения о нападении на Советский Союз после того, как им будут решены поставленные задачи на Западе. Соответственно заключение пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом в августе 1939 г. не являлось импровизированным решением Гитлера в ответ на вялотекущие переговоры между СССР и англо-французской стороной, а было давно обдуманым шагом. С точки зрения Берлина, заключение пакта, помимо возможности избежать угрозы войны на два фронта, позволяло сделать еще один необходимый шаг для подготовки к войне против Советского Союза. Проблема для Берлина заключалась в том, что, в отличие от ситуации накануне Первой мировой войны, ни Германия, ни ее союзники в тот период не имели географического соприкосновения с СССР. Получить общую обширную границу с Советским Союзом, поблизости от которой можно было бы заблаговременно, а главное, скрытно сосредоточить армию вторжения можно было только после завоевания Польши. В этом заключалась одна из важных причин того, что свой следующий удар Гитлер решил нанести не по Франции, а против польского государства, обосновав соответствующим образом свои соображения на совещании с высшим генералитетом 22 августа 1939 г. [10]. В беседе с В. Кейтелем он уточнил, что означала для него необходимость «обращения на Восток»: «Наши интересы состоят в следующем: обеспечить этот район (Польшу – С.Л.) в качестве выдвинутого вперед плацдарма, который может быть использован в военном отношении и для сосредоточения...» [13].

Разгром Польши, вплотную приблизивший вермахт к границам СССР, вызвал необходимость очередного обсуждения вопроса о том, в каком направлении вермахт должен был направить свой следующий удар –

«против Востока и после этого против Запада или наоборот?». Этот вопрос он поставил 23 ноября 1939 г. в имперской канцелярии на совещании с высшими генералами и, ссылаясь на опыт Первой мировой войны, сам же дал на него ответ. Гитлер констатировал, что впервые за многие десятилетия Германия не стоит перед необходимостью ведения войны на два фронта. Выбор в пользу первоочередного наступления на Францию он обосновал следующим образом: «...мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе» [14]. Подобное решение было обусловлено тем, что Германия в тот момент уже находилась в состоянии, пусть «странной», но войны с Францией и Англией. Скорейший разгром Франции позволял Гитлеру не только «высвободить тыл» на западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм» [15], но и существенно расширить ресурсную базу предстоящей войны против Советского Союза.

Гитлер торопился исходя из убеждения, что время работает не на Германию, что с каждым месяцем его главные противники, осознавая растущую угрозу, стремятся укрепить свой военный потенциал, а международно-политическая обстановка меняется не в его пользу, свидетельством чему являлось постепенное сближение Великобритании и США, которые могли в скором времени отказать от изоляционистской политики.

В беседе с командирами дивизий перед началом Арденнского наступления 12 декабря 1944 г. Гитлер задним числом подтвердил, что на процесс принятия им решения в тот период влияла целая совокупность изменчивых факторов, но одним из главных было соображение о том, что, несмотря на огромные средства, потраченные на перевооружение, Германия обладает лишь «временным превосходством» [16].

Если неизбежность войны с Францией и Советским Союзом не подвергалась сомнению в нацистской Германии, то отношение Берлина к Англии прошло длительную и болезненную эволюцию. Даже после совещания 1937 г., когда расчет на союз с

Англией публично был признан несостоятельным, двойственный курс Гитлера по отношению к этой стране, сопровождающийся неоднократными попытками найти с Лондоном компромисс, сохранялся и в дальнейшем. Осознав, наконец, что Лондон ни при каких обстоятельствах не согласится с ролью второй скрипки в «европейском концерте», 23 мая 1939 г. Гитлер был вынужден констатировать: «Наша цель будет всегда заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени» [17].

Однако и этот вывод не означал окончательного приговора. Очередную надежду на достижение компромисса с Англией дала вялотекущая «странная» война на Западе в 1940 г., последовавшая после захвата Германией Польши. Создавалось впечатление, что Англия и Франция не хотят сжигать «последние мосты» с Германией, все еще рассчитывая, что Гитлер все-таки повернет острие следующего удара на Восток. В противном случае вермахт, по мнению немецкого историка А. Хильгрубера, просто не выдержал бы объединенного удара Англии и Франции в сентябре 1939 г. «Тогда бы не только судьба Польши, но и все развитие второй мировой войны пошло по иному руслу» [18].

После разгрома Франции Гитлер некоторое время ожидал, что Англия будет вынуждена пойти на переговоры и даже, в случае компромисса, захочет присоединиться к германо-итальянскому блоку. Об этом он говорил 2 июня 1940 г., в разгар французской кампании в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в Шарлевиле, задним числом объясняя свой приказ об «остановке» немецких танковых войск перед Дюнкерком. По его словам, Англия должна была лишь признать гегемонию Германии на континенте и даже могла не возвращать колонии. Главное – «настало время разделаться с большевизмом» [13].

Когда этого не произошло, Гитлер оказался перед сложной дилеммой, от решения которой зависел весь дальнейший ход войны. А. Хойзингер, начальник оперативного управления в штабе Ф. Гальдера, прокомментировал это следующим образом:

«После блицкрига в Польше и Франции немецкое политическое и военное руководство находилось в состоянии неуверенности. Оно не знало, что делать, колебалось и зондировало, поставив Германию в качестве великой континентальной державы перед проблемой ведения войны против великой морской державы Англии... С лета 1940 г. до весны 1941 г. он (Гитлер – С.Л.) колебался, медлил, не чувствуя уверенности и не имея твердой линии» [13].

Безусловно, любое государственное решение подобного уровня сопровождается подчас мучительными сомнениями и колебаниями, однако нельзя согласиться с тем, что Гитлеру в этот период пришлось импровизировать, что у него не было цельного плана дальнейшей войны. Действительно, в те судьбоносные месяцы обсуждалось не только нападение на СССР, но и в качестве одного из вариантов – план «Зеелеве» (операция по вторжению в Англию), как, впрочем, и другие планы возможных действий. Однако в конечном счете приоритет был отдан в пользу создания наиболее благоприятных условий для нападения на Советский Союз. Именно в этом аспекте, с целью надежно обезопасить тыл Германии в готовящейся войне против Советского Союза, рассматривалась в тот момент задача продолжения борьбы против Англии, которая должна была привести, на различных условиях, к выводу ее из войны еще до того момента, когда Лондон мог рассчитывать на действенную помощь США.

Однако «поставить на колени» Англию в кратчайшие сроки, как планировал Берлин, не удалось. Когда в конце сентября 1940 г. стало ясно, что шансы на успех десантной операции против Англии носят все более иллюзорный характер, Гитлер стал исходить из того, что окончательный отказ Англии от сопротивления возможен только после разгрома Советского Союза. В этом случае Лондону просто не на кого будет рассчитывать. Это решение фактически означало сознательное намерение открыть второй фронт, то есть прийти к той стратегической ситуации, которую Гитлер до этого всячески стремился избежать.

Оставляя непокоренную Англию в тылу, Берлин, в своем сверхрискованном решении, рассчитывал на скоротечный разгром СССР, исходя из предшествующих успехов блицкрига, значительного увеличения экономической и ресурсной базы Германии, уверенности в неоспоримом преимуществе вермахта перед Красной армией. К тому времени Германии удалось подчинить Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Люксембург, Нидерланды, Францию (оккупированную частично), Данию, Норвегию, позже – Югославию, Грецию, Албанию, расширить коалицию за счет Болгарии, Румынии и Венгрии. Практически вся Европа лежала у ног Гитлера.

По сравнению с завоевательной политикой на западе экспансионистская программа нацистской Германии на восточном направлении отличалась радикально. Разгром Советского Союза должен был сопровождаться не только увеличением «экспортных возможностей», но и «германизацией», то есть беспощадной колонизацией завоеванных территорий. Русских, как, впрочем, и всех славян, нацисты относили к неполноценной расе, недостойной иметь своей государственности. «У славян вообще, – заявлял Гитлер, – отсутствует всякая способность к какой-либо организаторской деятельности. Они не обладают никакой государствообразующей и созидательной силой» [19].

Провозглашенный расовый характер войны на Востоке должен был мобилизовать боевой дух вермахта на бескомпромиссную борьбу с противником, обеспечить реализацию политики «гарантирования» завоеванных побед, предполагавшую подавление любых очагов сопротивления покоренных народов, в том числе за счет уничтожения значительной их части. Политика геноцида стала одним из главных составных компонентов планируемой оккупационной политики. Уже в 1934 г., в одной из бесед с Раушнинггом, Гитлер заявил о необходимости разработать методы депопуляции, под которой он понимал «уничтожение целых расовых единиц», то есть народов, недостойных

на равное с немцами право на существование [20].

Весной 1940 г. в Главном управлении имперской безопасности был разработан секретный меморандум «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей» [21]. В документе, в качестве важнейшей задачи «восточной политики», предусматривалось очищение захваченных на востоке территорий от представителей «чужой» расы, эти территории объявлялись объектами колонизации и германизации. 30 марта 1941 г. на совещании высшего генералитета Гитлер заявил, что в войне против Советского Союза борьба будет вестись «на уничтожение, что это будет истребительная война в полном смысле этого слова». Это война будет резко отличаться от войны на Западе, это будет «борьба между расами», «борьба идеологий», «борьба на уничтожение» [22].

Вскоре после вторжения вермахта на советскую территорию Гитлер поведал узкому кругу приближенных, что его основная цель в войне против СССР – лишить восточные народы «какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». «Наш руководящий принцип, – говорил он, – должен заключаться в том, что эти народы имеют одно-единственное оправдание своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении» [23].

Исходя из этого штабом ОКВ 13 марта 1941 г. была подготовлена специальная «Инструкция об особых областях» к директиве №21 (план «Барбаросса», в котором были определены специальные акции по установлению жесткого оккупационного режима [24]. В дополнение к этому документу, 13 мая 1941 г. за подписью фельдмаршала Кейтеля была издана директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск», «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими» от 1 июня 1941 г. и ряд других документов, выводивших любые, в том числе преступные действия вермах-

та против гражданского населения, из-под юрисдикции немецких военно-полевых судов [21].

Долгосрочные цели немецкой оккупационной политики были определены Генеральным планом «Ост», разработанным в Главном управлении по имперской безопасности, возглавляемым Г. Гиммлером. Представленные в распоряжение Нюрнбергского военного трибунала «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС», подписанные начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «Восточного министерства» доктором Ветцелем 27 апреля 1942 г. дают достаточное представление о планируемой немецкой политике в отношении народов Восточной Европы [25], которая предполагала выселение значительной части населения с территории Польши и западной части СССР, оставленные подлежали онемечиванию. Планомерное уничтожение славянских народов Восточной Европы и колонизация их земель были рассчитаны на «целые поколения» [26].

«Генеральный план «Ост» был дополнен предложениями «Восточного министерства» о политике по отношению к русскому народу. Это ведомство во главе с А. Розенбергом предлагало разбить «территорию, населенную русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие» и тем самым окончательно разобщить их.

Проведением подобной политики гитлеровцы намеревались подорвать жизненные силы русского народа и тем самым гарантировать долговременность немецкого господства. Этим зловещим планам в отношении народов Советского Союза не удалось осуществиться лишь благодаря организующей силе тогдашнего руководства страны, стойкости и самопожертвованию командиров и бойцов Красной армии, трудовой доблести подавляющей части советских людей, не щадивших ни сил, ни самой жизни ради того, чтобы «коричневая чума» не воцарилась на земле их предков.

Библиографический список

1. Шубин, А. Идеология фашизма: сравнительные аспекты / А. Шубин // Война на уничтожение. – М.: Фонд «Историческая память», 2014.
2. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. Bd 4.
3. Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. New York, 1953.
4. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933–1941. / В.И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – С. 123–130.
5. Goebbels J. Tagebücher. Hsrg. von L. Lochner. Zürich, 1948, p. 326).
6. H. Rauschnig. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940.
7. Schmitt K. Großraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf und die Monroe-Doktrin// »Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht», 1940, N 7.
8. Robertson E.M. Hitler's Pre-War Policy and Military Plans, 1933–1939. Citadel Press, 1967.
9. Такман, Б. Первый блицкриг. Август 1914 / Б. Такман. – М., 1999.
10. Безыменский, Л. Особая папка «Барбаросса» / Л. Безыменский. – М.: АПН, 1972.
11. Кульков Е.Н. Актуальные проблемы Второй мировой войны. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР / Е.Н. Кульков // Вестник МГИМО-Университет, 2009. – № 5.
12. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vols. 1-XXXXII. Nurenberg, 1947–1949. Vol. XXXVII, Doc. 052-L.
13. Gorlitz W., Generalfeldmarschall Keitel – Verbrecher oder Offizier? Gottingen, 1961.
14. Jacobsen H.A. 1939–1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt, 1961.
15. Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980.
16. «Hitlers Lagebesprechungen» Stuttgart, 1962.
17. Табуи, Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. – М., 2005.
18. Hillgruber A. Hitlers Strategic, Politik und Kriegsführung 1940–1941, Frankfurt am Main, 1965.
19. Hitlers Zweites Buch, Stuttgart. 1961.
20. Rauschnig H. The Voice of Distraction. London, 1940.
21. Литвин, А. Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941-июнь 1944 гг.): общие черты и особенности практического осуществления / А. Литвин. – М.: Фонд «Историческая память», 2010.
22. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967.
23. Hitler's Table Talks. London, 1953.
24. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. – Изд. 3-е. – М.: Экономика 1985. – С. 20–24.
25. Generalny plan Wschodni: Zbior dokumentow/Pod. Red. Cz.Madaicyzka. Warshawa, 1990. pp.16–21.
26. Болтин, Е.А. Немецко-фашистский оккупационный режим / Е.А. Болтин. – М., 1965.

ON POLITICAL AND IDEOLOGICAL GROUNDS OF GERMANY PLANNING
OF WAR AGAINST THE SOVIET UNION (TO THE 70TH ANNIVERSARY OF VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Lavrenov S., Prof. MSFU, Dr. Sci (Historical)

lavrs2009@yandex.ru

Moscow State Forest University, MSFU, 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytischy, Moscow reg., Russia

Specific features of political and ideological goals of nazist Germany concerning leadership over the Soviet Union have been singled out. On the contrary to a wide-spread view in the modern western historiography that decision-making (incl. planning of the aggression against the SU) predominantly carries improvisational character; planning of war against the Soviet Union was the imperative one. All the preceding strategic measures of nazist Germany were oriented not only on the forming the dominating positions in the European continent but on creation of the profitable preconditions for intrusion to the Soviet Union. War on the East, unlike other Hitler's military campaigns, had straight-out racial and ideological character; its ultimate purpose was 'germanization' and colonization of a substantial part of the Soviet territory. Prerequisite of it was the destruction of the Soviet state system without any chance, even in restricted form, of its reestablishment.

Keywords: German fascism, German geopolitics, struggle for 'Lebensraum', aggressive plans, General plan «Ost».

References

1. Shubin A. *Ideologia fashizma: sravnitel'nye aspekty Voiny na unichtozhenie*. [The ideology of fascism: comparative aspects. War of annihilation]. *Fond «Istoricheskaya pamyat'»* [Foundation «Historical Memory»]. Moscow, 2014.
2. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart. Bd 4.
3. Hilger G., Meyer A. *The Incompatible Allies*. New York, 1953.
4. Dashichev V. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy. T.1. Podgotovka i razvertyvanie natsistskoy agressii v Evrope 1933–1941*. [Bankruptcy of strategy of the German fascism. Historical Essays. Documents and materials. V.1. Preparation and Expansion of Nazist Aggression in Europe 1933–1941. Moscow: Nauka, 1973.
5. Goebbels J. *Tagebücher*. Hrsg. von L. Lochner. Zürich, 1948.
6. Rauschnig H. *Gespräche mit Hitler*. Zürich, 1940.
7. Schmitt K. *Großraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf und die Monroe-Doktrin* // »Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht«, 1940, no. 7.
8. Robertson E.M. *Hitler's Pre-War Policy and Military Plans, 1933-1939*. Citadel Press, 1967.
9. Tuchman B. *First Blitzkrieg. August 1914..* Moscow AST, SPb.: Terra Fantastica, 1999.
10. Bezymenskiy L. *Osobaya papka «Barbarossa»* [A special Document «Barbarossa»]. Moscow, Publ. APN, 1972.
11. Kul'kov E.N. *Aktual'nye problemy Vtoroy mirovoy voyny. Podgotovka Germanii i ee soyuznikov k napadeniyu na SSSR* [Actual Problems of the Second World War. Preparation of Germany and its allies to aggression against the Soviet Union]. *Vestnik MGIMO-Universitet*, 2009. № 5.
12. *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*, vols. 1-XXXXII. Nuremberg, 1947-1949. Vol. XXXVII, Doc. 052-L.
13. Gorlitz W., Generalfeldmarschall Keitel – Verbrecher oder Offizier? Gottingen, 1961.
14. Jacobsen H.A. 1939–1945. *Der zweite Weltkrieg in Chronik- und Dokumenten*, Darmstadt, 1961.
15. Below N. *Als Hitlers Adjutant, 1937–1945*. München, 1980.
16. «Hitlers Lagebesprechungen» Stuttgart, 1962.
17. Tabui J. *Dvadtsat' let diplomatskoy bor'by* [Twenty years of diplomatic struggle] Moscow, 2005.
18. Hillgruber A. *Hitlers Strategic, Politik und Kriegsführung 1940–1941*, Frankfurt am Main, 1965.
19. *Hitlers Zweites Buch*, Stuttgart, 1961.
20. H. Rauschnig. *The Voice of Distraction*. London, 1940.
21. *Natsistskaya politika genotsida na territorii Belorussii (iyun' 1941 – iyun' 1944 gg.): obshchiye cherty i osobennosti prakticheskogo osuschestvleniya* [Nazi policy of genocide on the territory of Belarus (June 1941–June 1944.): Common and specific features implementation] *Fond «Istoricheskaya pamyat'»* [Foundation «Historical Memory»]. Moscow, 2010.
22. *Sovershenno sekretno! Tol'ko dlya komandovaniya! Strategia fashistskoy Germanii v voyne protiv SSSR: Dokumenty i materialy*. [Top Secret! Only to command! The strategy of Nazi Germany in the war against the Soviet Union: Documents and Materials]. Moscow, Publ. Nauka, 1967.
23. *Hitler's Table Talks*. London, 1953.
24. *Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupatsionnoy politike fashistskoy Germanii na territorii USSR* [Criminal purpose – criminal means. Documents about the occupation policy of Nazi Germany in the USSR]. Moscow, 1985, pp. 20–24.
25. *Generalny plan Wschodni: Zbior dokumentow / Pod. Red. Cz. Madaiczka*. [General East layout: Zbior of dokumentow/ Under. Editor Cz. Madaiczka]. Warszawa, 1990, pp. 16–21.
26. Boltin E.A. *Nemetsko-fashistskiy okkupatsionnyy rezhim* [Germany fascist occupation regime]. Moscow, 1965.